

**МЕСТО СТИЛЯ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ XI–XVII ВЕКОВ
В СИСТЕМЕ ПИСЬМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА
ДОНАЦИОНАЛЬНОЙ ЭПОХИ**

Изучение стилистики письменных памятников XI–XVII вв., относящихся к одному жанру, требует обращения к стилю как совокупности структурно-композиционных и языковых особенностей анализируемых групп текстов. При таком подходе в качестве стилеобразующих факторов рассматриваются: 1. структурная организация, или архитектура, текстов (определяется типичная содержательная структура письменных речевых произведений, описывается ее лексико-грамматическая, в первую очередь формульная, экспликация); 2. разноуровневые лингвистические ресурсы, используемые в письменной коммуникации (анализируется характер экспрессивной маркированности языковых средств и их роль в текстообразовании). Описание структурно-смысловой организации текстов и представленных в них маркированных языковых явлений целиком подчинено функционально-стилистическому анализу памятников: недостаточно констатировать наличие или отсутствие у данных языковых фактов стилистической окраски; необходимо выяснить, в тексте какого типа памятника использованы единицы или приемы, в какой композиционной части и с какой целью, отмечены они в составе клишированных конструкций или свободных, и, суммируя наблюдения, установить значимость явлений для конституирования стилистической специфики исследуемого источника. Стилистическая специфика, в свою очередь, определяется не как самодостаточное свойство текста, но как обуславливающая его место во всей системе письменности.

Древнерусские памятники эпистолярного жанра XI–XVII вв. характеризуются общностью структурной организации, а именно возможностью выделения в них относительно самостоятельных содержательных фрагментов, различные последовательности и комбинации которых собственно образуют текст письма. Анализ более чем 840 посланий, различающихся характером взаимоотношений коммуникантов и тематикой (частные бытовые, частные духовные, официальные служебные и др.), позволил выделить 11 смысловых блоков «идеальной» содержательной структуры, воплощающейся с различной степенью полноты в конкретных письмах [1]. Одни блоки присутствуют во всех посланиях; другие характерны лишь для определенных их видов. Языковое наполнение смысловых блоков осуществляется, в первую очередь, посредством устойчивых речевых формул, выбор и лексико-грамматическое варьирование которых обусловлены двумя основными факторами: разновидностью письма и личностями отправителя и получателя (не столько с точки зрения их индивидуальных характеристик, сколько с точки зрения их социальных ролей). Временной фактор,

как показывают наблюдения, менее значим: структура письма того или иного вида сохраняется без значительных диахронических изменений. Например, блок «сообщение о себе» широко представлен в частных и официальных посланиях светского содержания (самая ранняя фиксация блока – берестяная грамота XI в.: *по здоровоу ва ('вам') есмы* [2, с. 274]), но частным или официальным посланиям духовной тематики блок неизвестен вообще. Формулы, эксплицирующие данный блок в разных текстах, при своем смысловом инварианте имеют значительные лингвостилистические различия. Сравним:

1. Частное бытовое письмо: *А пожалуеш похош вѣдат о мнѣ і я на Москвѣ - октября по АІ число з живыми а брат... в прежней скорби а дѣти ево и у тѣбя в дому дал бгъ здорово, XVII в.* [3, с. 16]. Фрагмент содержит некнижные языковые явления: полногласие (*здорово*), отражение произношения (стяжение *похош*), инфинитив на *-ть* (*вѣдат*), разговорный предлог с локальным значением (*на Москвѣ*), повтор сочинительных союзов, в том числе для выражения подчинительных условных отношений (*а пожалуеш похош вѣдат о мнѣ і я... а дѣти ... и у тѣбя в дому...*).

2. Официальное фатическое письмо: *Ащели... пожалуешъ похощешъ спросити о нашемъ пребываньи: и язъ... тѣлеснѣ живѣ, а душевнѣ Богъ вѣсть; а здесь... въ вашей Царской вотчинѣ, въ пресловущемъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, Сентября по 15 число, далъ Богъ, здраво все, XVII в.* [4, с. 32]. Использование книжных фонетических (*похощешъ, градъ, здраво*) и лексико-грамматических средств (*пребыванье, ащели, спросити, въ пресловущемъ въ царствующемъ*) обусловлено ритуальным характером фатического общения, а также церковным саном одного из коммуникантов. При этом в тексте представлены некнижные языковые факты (повтор предлогов, вводный оборот *далъ богъ*), что указывает на гибридный характер языка письма.

Примеры лингвистической дифференциации формул можно продолжить, и всякий раз ряды оборотов будут демонстрировать отсутствие стилистического единства языка писем. Сравним:

1. Блок «констатация получения письма»: официальное служебное послание: *Ваша государская святительская грамота до насъ дошла, XVII в.* [там же, с. 32]; официальное фатическое послание: *Вашего святельства честное писаніе до Государя сына нашего... доиде, XVII в.* [там же, с. 11].

2. Блок «стремление поддерживать контакт с адресатом»: частное бытовое письмо: *Чтобы еси не держала меня безъ вѣсти о своемъ здоровьѣ, XVI в.* [там же, с. 3]; частное деловое письмо: *обо всемъ писать бы мнѣ вскоре і про домашняя жите, XVII в.* [5, с. 114]; официальное фати-

ческое письмо: *о своемъ здоровіи и спасеніи честнѣйшими своими писанми дабы посещаль*, XVI в. [6, с. 61] и др.

Отметим, что неформульная часть текста в той же степени (и даже более прозрачно) отражает стилистическое различие способов передачи одного языкового значения.

Соотношение в посланиях книжных либо некнижных средств позволяет рассматривать их стиль как репрезентацию того или иного типа письменного языка XI–XVII вв. Мы разделяем концепцию регистровой стратификации русского письменного языка донациональной эпохи, в рамках которой языковая и речевая культура, зафиксированная в текстах XI–XVII вв., рассматривается как реализация одного из четырех регистров (типов, языкового употребления): стандартного церковнославянского (язык канонических литургических текстов), гибридного церковнославянского (язык летописей, исторических повестей, хожений, сочетающий в различных пропорциях книжные и некнижные элементы), делового (язык официальных и частных актов), бытового (язык повседневного неофициального общения). Стандартный и гибридный церковнославянский принадлежат к книжному языку; деловой и бытовой – к некнижному. Наши исследования показали, что эпистолярный жанр присутствует во всех регистрах письменности. «Сквозным», хотя и не преобладающим ни в одном виде писем, является гибридный регистр.

Типологическая и регистровая классификации писем не соотносятся полностью, тем не менее, зависимость степени книжности письма от сферы и темы общения устанавливается регулярно. Эпистолярный жанр, таким образом, принципиально «разнотипен». Это панхроничное свойство посланий проявляется в отсутствии функционального эпистолярного стиля в современном русском литературном языке: письма обслуживают все сферы общения, поэтому в них могут быть использованы любые лингвостилистические средства.

Однако, по сравнению с материалами современной переписки, исторические памятники отражают более сложную экстра- и собственно-лингвистическую обусловленность стилистического противопоставления текстов и, соответственно, более сложный характер этого противопоставления. Во-первых, в рамках одной разновидности письма обнаруживаются тексты, значительно различающиеся в плане соотношения книжных и некнижных средств. Во-вторых, наоборот, известны послания разных видов, не имеющие стилистических различий. Главная причина двух названных противоположных явлений одна: влияние личности адресанта (не проявляющееся в такой степени в текстах других жанров). Нетипичный для данного типа письма выбор книжных или некнижных языковых форм, отражающий авторское отношение к создаваемому тексту, обусловлен, во-первых, тем, к какой социокультурной сфере относит свою коммуникативную деятельность пишущий: церковной или мирской. Во-вторых, выбор

зависит от социального статуса адресанта. В силу этого бытовое письмо духовного лица может приобретать свойства учительного послания, а частное письмо монарха – свойства распорядительного документа.

Таким образом, эпистолярные тексты XI–XVII вв. представляют уникальную жанровую группировку: созданные для осуществления общения в разных сферах деятельности и посвященные различной тематике, представленные значительным числом типов и видов и отражающие широкий диапазон лингвостилистических средств, они, тем не менее, репрезентируют одну текстовую модель. Стилистика собственно-лингвистическая и стилистика структурно-композиционная могут не обуславливать, а дополнять друг друга как две относительно независимые характеристики эпистолярного текста. Например, содержательная структура частных и официальных духовных писем различна, но языковой стиль у них общий; содержательная структура частных и официальных фатических писем общая, но языковой стиль различен. Степень клишированности элемента содержательной структуры текста, как правило, не влияет на (не)книжность эксплицирующей его синтаксической конструкции, в то время как выбор стилистически значимых морфологических и лексических средств часто напрямую зависит от устойчивости контекста и композиционного фрагмента (зачин, семантема, заключение). Обнаружение среди всех разновидностей писем текстов гибридного регистра является подтверждением положения о том, что данный тип языкового употребления оказался наиболее «перспективным» в истории языка и лег в основу русского литературного языка нового времени.

Литература

1. Зуева, О.В. Русские памятники эпистолярного жанра XI–XVII вв. как предмет лингвистического исследования / О.В. Зуева // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагагіка. – 2007. – № 3. – С. 35–40.
2. Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
3. Грамотки XVII – нач. XVIII в. / изд. подгот. Н.И. Тарабасова, Н.П. Панкратова; под ред. С.И. Коткова; АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Наука, 1969. – 415 с.
4. Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные Археографической комиссией (1326–1653). – М., 1848. – VIII, 326, 24 с.
5. Котков, С.И. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII – начала XVIII веков / С.И. Котков, Н.П. Панкратова. – М.: Наука, 1964. – 312 с.
6. Послание новгородского архиепископа Макария митрополиту Даниилу // Жмакин, В. Митрополит Даниил и его сочинения / В. Жмакин; Издание Императорского общества истории и древностей российских при Моск. ун-те. – М.: Университетская типография, 1881. – С. 57–62.